

тельствует об огромном длительном прогрессивном воздействии русской культуры на племена Крайнего Севера.

В заключение следует отметить ясность и доступность изложения. Данная в приложение к книге статья Б. О. Долгих — первая публикация таймырских находок, помимо описания реликвий, знакомит читателя с обстоятельствами их открытия.

И. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Пальм Датт, *Индия сегодня*, М., 1948.

Главной заслугой рецензируемой книги является ее полчищеская заостренность и марксистская критика как империалистической политики Англии, так и предательской роли индийской буржуазии, стремящейся всеми силами подавить безудержный рост политической сознательности трудящихся масс, руководимых коммунистической партией страны. Как в предисловии к книге, так и в отзывах и рецензиях на нее неоднократно отмечалась большая ценность изложенного в ней исторического материала и важность публикуемых документов, подобранных автором с глубоким знанием дела.

Задачей данной рецензии является оценка историко-этнографического материала книги, который охватывает собой ряд вопросов, крайне интересных для каждого ученого, занимающегося проблемами жизни и деятельности многонационального населения Индии.

Пальм Датт анализирует недостатки существующей в стране земельной системы, описывает современное положение крестьян, вскрывает причины их обнищания, задолженности и массовых голодовок. Он показывает, как под влиянием капитализации страны рушатся старые устои сельских общин, как разоряются миллионы ремесленников и подрываются основы старых социальных институтов, как стремятся в города разоренные крестьянские семьи и в какие тяжелые условия капиталистической эксплуатации попадают они на промышленных предприятиях, как гибнут в однокомнатных жилищах городов (Бомбея и др.) тысячи детей рабочих и как страдают индийские женщины под тройным гнетом непосильного труда, религии и голода. Автор вскрывает причины взаимной изоляции туземных княжеств, являющихся одним из столпов британского империализма в Индии, и показывает, как лицемерно «не вмешивается» Англия во внутреннюю их жизнь и как страдает от рабства и нищеты их население.

Говоря о кастах и религиях, дробящих население страны, которым буржуазная наука приписывает роль «извечных» факторов, Датт подчеркивает исторически сложившееся единство всего индийского населения; оно настолько неопровержимо, что даже официальная историческая школа Англии вынуждена признать, что оно «берет верх над бесчисленным различием крови, цвета, языка, одежды, образа жизни и сект» (стр. 295). Датт показывает, как тщательно стараются англичане культивировать все вредные пережитки феодализма, способствующие их политике «разделяй и властвуй», и как безудержно растет в Индии движение сопротивления против консервации устарелых социальных институтов (каст, неприкасаемости и т. п.).

Говоря о языках Индии, Датт вскрывает политику дистрибутивности, проводимую англичанами и в этом вопросе. Он выявляет абсурдность английских статистических данных, включающих в себя даже такие языки, на которых говорят 3—4 человека, и все это ради поддержания мифа о непреодолимой многоязычности Индии. Автор пишет, что, например, у всех языков Северной Индии есть общая основа, служащая залогом полного взаимного понимания между населяющими ее народами. Он с иронией говорит о том, что по мере необходимости сами англичане признают, что 222 пресловутых языка Индии не являются препятствием ни в армии, где все приказы пишутся на хиндустани, ни в вопросе индийского рынка, где трудности многоязычия тоже вполне преодолимы (стр. 304).

Так же критичен Пальм Датт и в краеугольном вопросе этнографии и истории — в вопросе о национальностях Индии. Цитируя работу И. В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос», он пишет о том, как протекает в Индии процесс формирования отдельных национальностей; он вскрывает фальшивую сущность деления индийского населения на нации по религиозному признаку и показывает, как индийский народ требует от своего правительства административного передела страны на базе интересов растущих национальностей. Ставя в пример национальную политику Советского Союза, автор требует демократического решения национального вопроса в отношении народов Индии.

В целом книга является очень нужным трудом, анализирующим важнейшие вопросы политической и экономической жизни современной Индии.

Н. Гусева

Садек Хедаят, *Фольклор или народные знания*, журн. «Сохан», год издания второй, №№ 3—6, Эсфанд 1323 — Хордад 1324 (март — июнь 1945), Тегеран.

За последние годы среди широких кругов иранской интеллигенции наблюдается большой интерес к изучению народного творчества и к сбору материалов, касаю-

щихся примет, поверий, обычаев и культовых действий, народных праздников, а также других сторон быта своего народа. Это нашло свое выражение в рецензируемой работе иранского писателя и ученого Садека Хедаята. Он не впервые выступает на попрание иранской этнографии и фольклора. Изданные им в 1931—1933 гг. две небольшие книжки — «Афсане» (Сказки) и «Нейрангистан» (Страна волшебства, страна чудес) положили начало сбору и публикации в Иране материалов по этнографии и фольклору, а также явились источником для позднейших работ западноевропейских ученых, посвященных изучению иранского народного творчества и быта.

Как обстояло дело со сбором и публикацией этнографических и фольклорных материалов в Иране еще в двадцатых годах текущего столетия, можно судить по следующим словам безвременно скончавшегося иранца Ю. Н. Марра: «Необъяснимым казалось мне отсутствие работ по-персидски, суммирующих сведения по фольклору. При обилии журналов и газет, в которых печатается масса статей, так или иначе касающихся Персии, по истории, литературе, географии, искусству, странным кажется, что нельзя найти ни одной заметки об обычаях или суевериях... Вы найдете сведения о них скорее у европейских ученых»¹.

Рецензируемая работа Садека Хедаята состоит из четырех разделов; каждый из них напечатан в отдельной книжке журнала «Сохан». Для этнографа и фольклориста непосредственный интерес представляют первые два раздела работы, на которых я остановлюсь несколько подробнее.

Третий раздел посвящен вопросам методики сбора этнографических и фольклорных материалов, а четвертый — латинизированному алфавиту, придуманному самим автором, с помощью которого он предлагает производить записи текстов. Этот раздел более интересен для лингвистов, чем для фольклористов.

* * *

В начале своего введения автор останавливается на термине «фольклор» и на истории распространения этого термина в большинстве европейских стран. Пытаясь определить границы фольклористики как науки, автор смешивает фольклор с этнографией и утверждает, что первоначально под фольклором понималось лишь устное творчество, затем понятие фольклор стало трактоваться шире, и в него было включено все народное творчество и народные знания, а также обычаи, связанные с рождением, свадьбой и другими важнейшими моментами жизни. Фольклор характеризует собой дух народа, является источником литературы и изящных искусств. Поэтому в настоящее время в культурных странах придается особое значение собиранию и изучению фольклора. К сожалению, образованные иранцы, говорит автор, гораздо лучше знакомы с общественной жизнью европейцев, чем с жизнью и творчеством своего родного народа. Автор обращает внимание читателей на универсальность культурных явлений, в частности памятников устного народного творчества, и указывает, что культурное наследие иранского народа является составной частью общечеловеческой культуры.

Среди иранской общечеловеческой культуры интерес к народному творчеству и сбору фольклорных материалов возник, по словам автора, после выхода в свет его книги «Нейрангистан» (1933). Вскоре после этого был организован Музей народоведения в Тегеране. Однако организация этого Музея явилась жалкой попыткой подражания чужим образцам, как и многое другое, что было сделано в то время. В Музее было собрано некоторое количество различных костюмов и других экспонатов. Однако все они не были документированы, и посетитель не мог получить представления ни о народе, которому принадлежал тот или другой предмет, ни об его образе жизни, нравах и обычаях. Музей имел возможность приобретать бытовые предметы среди племен и народов Ирана; однако вместо них заказывались дорогие, шитые золотом костюмы знати эпохи Каджаров и т. п. На основании инструкции, разосланной на места органам народного образования, Музеем были собраны с помощью учащихся и педагогов многочисленные записи этнографического и фольклорного характера. Но большая часть этих записей оказалась дефективной; в них отсутствовали указания на время и место записи, на лицо, давшее сведения, и т. д.; при записях текстов не сохранены местные особенности языка. В довершение всего указанные документы были переписаны начисто лицом, совершенно не знавшим местных диалектов, а оригиналы уничтожены. Несмотря на все недостатки в работе Музея, в его лице все же существует центр, объединяющий всю работу по сбору фольклорных и этнографических материалов.

Далее автор перечисляет работы по фольклору и этнографии, содержащие персидские тексты, среди которых упоминаются «Образцы персидского народного творчества». В. А. Жуковского, а также работы Р. А. Галунова, посвященные иранским народным зрелищам. Из числа ненапечатанных материалов Садек Хедаят указы-

¹ Ю. Н. Марр, Автобиография Мирзы Мохаммеда Кермани и его работа о поверьях и обычаях, связанных с «красной средой», «Известия АН СССР», 1927, № 5—6, стр. 468.

вает на упомянутые выше записи, принадлежащие Музею народоведения, а также на материалы, собранные популярным в Тегеране рассказчиком сказок по радио Собхи². Что касается трудов на европейских языках, то наиболее полным является книга Н. Massé «Croyances et coutumes persanes», Paris, 1938. Масэ включил в свою книгу все существующее из работ Хедаята «Нейрангистан» и «Афсане», а также привлек и некоторые другие материалы, в частности свидетельства различных путешественников, посетивших Иран. Автор упоминает также книгу Дональд Свэн «The Wild Rue», изданную также в 1938 г., в которой иранский фольклор рассматривается с точки зрения ислама. Перечисляя затем еще несколько книг, содержащих образцы устного народного творчества, автор указывает на работы советских исследователей А. А. Ромаскевича (иранцы), И. И. Зарубина (белуджи) и А. Н. Болдырева (таджики). В заключение автор подчеркивает, что если в ближайшее время не будут приняты решительные меры по сбору полевых материалов, то многие образцы народного творчества, а также поверья и обычаи будут утрачены для науки, поскольку большие перемены в жизни народов Ирана ведут к быстрому исчезновению этих памятников.

Второй раздел работы Садека Хедаята — подробная программа по сбору этнографических и фольклорных материалов, напечатанная в следующей книжке того же журнала «Сохан» (№ 4, месяц фарвардин 1324 г.), занимает десять страниц убористого текста. Являясь ценным пособием для местных иранских собирателей, эта программа не лишена интереса и для иранистов — этнографов, фольклористов и филологов, ибо в ней дается подробное перечисление терминов материальной культуры, разнообразных поверий и обычаев, связанных с социальной и духовной жизнью народа. Некоторые из этих терминов кратко разъясняются автором тут же; иногда приводятся поговорки, связанные с тем или другим явлением. Например, говоря о словесных табу, автор указывает, что среди народа вместо «тринадцать» принято говорить «большее». Перечисляя народные воспоминания о годах различных стихийных бедствий, автор приводит поговорку, сложившуюся в народе в связи с морозами и метелями, имевшими место в 1870 г.: «бе сале хафтād барфе беафтād, бе хаке ин пир, бе кади ин тир» («в семидесятом году выпал снег, ради этого святого (пира), высотой с этот шест»). Но все же большинство терминов, обрядов и поверий не имеют пояснений и остаются для читателя, незнакомого с иранским народным бытом, непонятными. Многие поверья и обряды, включенные автором в программу, были описаны им в свое время в книге «Нейрангистан», которую он, повидимому, и положил в основу своей программы³.

Расположение материала в программе не всегда последовательно. Самая схема ее несколько необычна, и подчас трудно оправдать помещение автором того или иного материала в тот или другой раздел; местами имеются повторения. Программа разделяется на три больших отдела: материальной, духовной и социальной жизни. Самым обширным является второй, наиболее кратким — третий. Первый отдел распадается на главы: «Экономические отношения», «Работа и средства к жизни», «Доходы и заработки». В главе об экономических отношениях запрашиваются сведения об экономике района, об общественных сооружениях, пище и напитках, одежде, жилище, утвари, средствах передвижения. Каждый из этих параграфов содержит весьма любопытные перечисления специфически иранских сооружений, блюд, предметов одежды, частей жилища и т. п. Так, упоминаются иранские культовые сооружения, служащие местами поклонения, — емād заде, кадам гах, зинарат гах, специальные постройки, в которых разыгрываются мистерии в память Хоссейна, а также помещения для борьбы — зур-хане. В параграфе об одежде перечислены принадлежности иранского мужского и женского костюмов: лебаде — длинный халат, кабā — род длинного сюртука, шаль — пояс при них, абā — плащ без рукавов, который носят главным образом духовные лица, чадур — женское покрывало, гиве — веревочные туфли и пр. Далее названы части иранского жилища: хāбгāх — спальня, айвāн — балкон, дāлан — галлерея, зире-замин — помещение для отдыха в жаркое время года.

В главе «Работа и средства к жизни» перечисляются виды трудовой деятельности в городе и в деревне, а также упоминаются общественные классы и прослойки. Здесь заслуживают внимания строки, посвященные деклассированным группам иранского города и в первую очередь бродягам — люти с их характерными аксессуарами: нездской цепью, керманской чашей, зенджанским ножом и пр. В эту же главу почему-то включен параграф об увеселениях и забавах, где перечисляются игры иранцев, а также виды народных зрелищ.

Второй, весьма обширный отдел программы «Духовная жизнь» автор подразделяет на пять крупных глав: 1) Язык, наречие и диалекты, 2) Народные знания, 3) Народная мудрость, 4) Искусство и 5) Мистика. В первой главе рекомендуется изучение особенностей местных наречий и диалектов и запись на этих диалектах бытовой терминологии, а также поговорок, примет, заговоров, заклинаний и т. п.

² В 1944 г. Собхи опубликовал часть собранных им материалов в своей книге «Сборник персидских сказок». О нем см. рецензию А. З. Розенфельд в журн. «Сов. этнография», 1946, № 3.

³ Мною подготовлен к печати русский перевод «Нейрангистана».

Во второй главе упоминаются народные представления об устройстве неба и земли, о делении неба на семь сфер (иранская поговорка: «туе хафт асмāн ек сетаре на дāрад» — «в семи небесах он и одной звезды не имеет»), антропоморфные представления о солнце и луне, объяснения происхождения грома и молнии, радуги, дождя, затмений и других явлений природы. Здесь мы находим деление года на теплые и холодные сорокодневия — чиле и связь холодного периода со старой женщиной (сармо, пире зан). Далее следуют народные представления о происхождении человека, приметы и поверья, связанные с частями человеческого тела, значение родинок, родимых пятен, икоты, чихания (чихнуть один раз — знак ожидания, два раза — знак поспешности). Приводятся народные представления о драгоценных камнях и минералах, их свойствах, а также о растениях и животных. Упоминается о весьма древнем и распространенном еще и поныне в Иране гадании по голосам животных. Во вторую главу включены, кроме того, сведения календарного порядка, предсказания погоды, приметы о плохих и хороших годах и днях, сельские праздники, а также местные исторические сведения в том виде, в каком они сохранились в памяти населения.

Глава программы, носящая название «Народная мудрость», включает представления о духе и душе, смерти и жизни в потустороннем мире, веру в душу умерших, которые бродят по земле, веру в судьбу, предопределение и конец мира. По распространенным поверьям, перед тем, как наступит конец света, мир станет ровным подобно ладони, так что если на одном конце света положить яйцо, оно будет видно на другом конце света; люди же станут крохотными. Весьма сильны у иранцев вера в сверхъестественные существа. Широко распространена вера в пери, которых иранец в силу словесного запрета называет описательно «аз мā бехтарун» — «лучшие, чем мы»; злыми персонажами являются бехтек — кошмар, который наваливается на человека ночью, девальпā — обычно сидящий при дороге, а затем вскакивающий прохожему на плечи, превращая его в своего осла, дьявол — даджаль и его чудовищный осел, волосы которого в день страшного суда будут звенеть, как колокольчики, заставляя людей следовать за дьяволом. К книжным поверьям, распространенным в народе, относятся представления о мистическом нарде йоджуджей и маджуджей (гог и магог), мифических существах нас-нас, птице симург и др. В эту же главу включен материал об общественных нравах и морали. Отношение к различным чертам человеческого характера и моральным качествам людей проявляется в виде метких выражений и поговорок. Например, необходимость уважать родителей выражена народной мудростью в поговорке: «калиде бехишт зире пāи мādар аст» — «ключ от рая находится под ногами матери».

Четвертая глава отдела посвящена искусству. Перечисляются различные виды изобразительного и прикладного искусства — живопись, скульптура, работа по меди и серебру, изготовление ковров, вышивание, шитье золотом. Сюда же относятся музыка и танцы — одиночные и массовые (гупи), народный театр — пехлевāн качал, химе шаб бāзи, мистерии в память Хоссейна. Раздел о народной литературе включает пословицы и поговорки, загадки, сказки, дустигишия — ду байти, произведения на диалектах — фахлавият, песни — таране, элегии — марсие, новогодние песни.

Пятая глава, носящая название «Мистика», посвящена суевериям, поверьям и культовым действиям и разделена на две большие части — колдовство (поиски могущества) и народная религия. В первой части мы имеем дело главным образом с магией, магическими поверьями и действиями, хотя здесь нет достаточной четкости и среди материала, посвященного магии, мы находим материалы по анимизму. Автор приводит весьма обширный материал о вере в колдунов, способах колдовства, употребляемых при этом средствах (прокалывание восковой фигуры, зажигание свечей, таинства на могиле, накалывание подковы в огне, употребление позвонков змеи и т. п.), о заговаривании животных и заклинании скорпионов и змей, амулетах и талисманах. Колдовской силой народное воображение наделяет дервишей, пастухов, повитух — мāmā, нищих. Излюбленными местами колдовства являются перекрестки — чех āр су, проходы — сар гузар. Встречаются колдуны-оборотни, превращающиеся в великанов — гулей, волков и других животных. Среди народа широко распространены гадания по снам, на бобах, по ладони руки, по расплавленному олову, на кофейной гуще, по звездам, на песке — рамль, а также вера в возможность предсказания по бульканью воды, по «плохим и хорошим шагам», по зевоте и чиханию. К магическим суевериям относятся и вера в дурной глаз, счастливые и несчастные дни и вещи. Последствия сглаза лечат окуриванием дымом руты, сжиганием лоскутков одежды сглазившего, разбиванием яйца с написанными на скорлупе именами людей, подозреваемых в сглазе. Каждое вновь начинаемое дело или предприятие для своего успеха, по народному представлению, требует особого ритуала; исполнение ритуальных обрядов необходимо также для исцеления больных. Одним из наиболее широко практикуемых обрядов является устройство угощений в честь мифических предков или святых — суфрее фатима зугра, суфрее биби нур и т. п. Особо стоят культовые действия и обряды, исполняемые в дни народных праздников и торжеств. Новый год — новруз — предваряется и сопровождается целым циклом обрядов. В последнюю среду года зажигают огни и прыгают через них, гадают и бьют в ложки у ворот соседей; под новый год устраивают ритуальный стол, где должно быть семь предметов, названия которых начинаются с буквы эс — хафт-син, надевают новые одежды, зажигают огни; в тринадцатый день нового года устраи-

ваются массовые гулянья за городом. Особые обряды совершаются в связи с вредящими посевам проливными дождями или же в связи с засухой. В Хоросане, например, в целях вызывания дождя вырезают из дерева куклу, надевают на нее одежду и поют «Чули кызык — дай дождя, дай обильного дождя». В разделе той же главы, названном «Народная религия», сгруппированы представления о божестве, загробной жизни, рае и аде, душах умерших и их судьбе, святых и местах их захоронения (зиарат, емām-заде, кадам-гāх и пр.)

Третий отдел программы «Общественная жизнь» посвящен в основном вопросам семьи и брака. Беременность женщины и рождение ребенка сопровождаются большим количеством обрядов и ритуальных действий. Большинство из них направлено на то, чтобы уничтожить действие дурного глаза и злых духов (аль, альбасты). В программе подробно перечисляются все моменты жизни ребенка — укладывание его в колыбель, кормление и отлучение от груди, наречение имени, первые шаги и первые слова ребенка и сопровождающие их обряды. Весьма детально указываются все моменты, связанные со сватовством — хастгари и свадьбой — аруси. Сватовство сопровождается обрядами: «ширини-хорāн» — угощение сладостями, «рунамā» — показ лица, «ангоштар» — надевание перстня. Весьма любопытно упоминание об обычае «намзад-бāзи» (тайные свидания жениха и невесты), столь широко распространенном у других иранских и тюркских народов. Автор отмечает также обычай обручения малолетних. Свадьба предваряется гаданием о счастливом дне и часе. Многочисленные церемонии совершаются при самом бракосочетании: перед невестой расстилается скатерть с зеркалом счастья — айнейе-бахт, жених и невеста осыпаются деньгами и сладостями — «шабаш». Иранцам известны две категории жен: постоянная жена — агди и временная — сиге. Известно также многоженство. Среди некоторых племен Ирана еще сохраняется высокое общественное положение женщины. Программа предусматривает подробную запись всех сведений о положении женщины, выполняемых ею работах, ее жизни в семье, в частности — об отношениях между мужем и женой, между свекровью и невесткой. Особым пунктом отмечается сатира — хаджу — на свекровь.

В отдел «Общественная жизнь» входят: приемы вежливости, манера здороваться, этикет, соблюдаемый при приеме гостей и угощении их, а также отношения к соседям, встречи с ними, помощь в несчастных случаях, участие в общих пиршествах и траурных собраниях. Сюда же включен материал о болезнях, уходе за больными, о смерти и похоронах и сопровождающем их ритуале.

Раздел рецензируемой работы, посвященный методике сбора материалов, не является оригинальным; здесь приводятся общие положения, которые можно найти в любом пособии по сбору этнографических и фольклорных материалов (необходимость осторожного подхода к осведомителям при записях и объективности собирающего, желательность знания ими местного языка, условий жизни населения и т. п.).

* * *

Рецензируемая программа появилась в печати в период наибольшего подъема демократического движения в Иране, последовавшего после падения диктатуры Реза шаха и предшествовавшего наступлению новой полосы реакции, связанной с усилением в Иране англо-американского влияния. Стремясь проводить в стране буржуазные реформы в западно-европейском духе, Реза шах, как известно, в своей борьбе со «старинной» уничтожал и подавлял все самобытное в народном творчестве, вел непримиримую борьбу с народными обычаями и представлениями. Правительство Реза шаха, увлеченное борьбой за проведение буржуазных реформ, стыдилось обнаружить перед иностранцами «иранскую отсталость», которую оно видело в любом проявлении народных обычаев, обрядов и поверий.

Продающие в настоящее время свою страну оптом и в розницу иностранному капиталу иранские реакционные круги мало заботятся о сборе и сохранении иранских народных обычаев, поверий, обрядов, образцов устного народного творчества и тому подобных вещей, в которых они справедливо усматривают проявление ненавистного им духа народного демократизма. Что же касается вкусов их хозяев, в первую очередь различных американских представителей в Иране, начиная от военных советников и кончая простым солдатом, то эти вкусы не идут дальше «экзотики» антикварной лавки, в которой можно купить «сувенир» раскопок древних памятников Ирана, часто представляющий собою грубую подделку.

На этом мрачном фоне жизни современного Ирана рецензируемая программа Садека Хедаята, равно как и другие примеры проявления любви и заботы к народному творчеству, как, например, собрание народных сказок Собхи, представляются весьма отрадными явлениями, свидетельствующими о живучести народных традиций, а также о демократических чаяниях лучшей, прогрессивной части иранской интеллигенции.